

На следующий день Цао Е так и не вернулся. Ближе к полудню Лян Сычжэ прилёг вздремнуть. Только он начал погружаться в сон, как раздался стук в дверь.

Первой мыслью было, что это вернулся Цао Е. Лян Сычжэ сел на кровати, даже не собрав волосы, а потом, всё ещё сонный, встал и подошёл к двери. Он ожидал увидеть за дверью Цао Е, но там стояли двое с виду усталых мужчин — мастера по установке кондиционера. Лян Сычжэ пригласил их войти.

Вслед за ними поднялась хозяйка, заглянула в комнату и громко спросила:

— О, кондиционер ставите?

— Угу, — ответил Лян Сычжэ.

— Вот это да... Почему господин Чжэн ничего мне не сказал?

Продолжая играть свою роль, Лян Сычжэ спокойно ответил:

— Это режиссёр Цао распорядился.

Хозяйка цокнула языком:

— Такой занятой режиссёр и сам побеспокоился об установке кондиционера, какой заботливый отец. — Она с любопытством разглядывала Лян Сычжэ, которого впервые увидела с распущенными волосами. — А когда ты начнёшь сниматься в кино?

— Не знаю, — ответил Лян Сычжэ, подошёл к кровати, собрал волосы резинкой и сел, наблюдая, как мастера открывают коробку и достают новенький кондиционер, который он так долго выбирал.

— А когда вы съедете, этот кондиционер останется нам? — снова спросила хозяйка.

— Я не знаю, — ответил Лян Сычжэ.

— А где сын режиссёра?

— Поехал к другу.

— А ты почему с ним не поехал?

— Не захотел, — ответил Лян Сычжэ, взял телефон и начал что-то печатать. На самом деле, ему нечего было писать, он просто хотел показать, что не расположен к разговору.

Он напечатал: «Мастера пришли устанавливать кондиционер», но перед отправкой замер, а потом стёр написанное и подумал: «Ладно, он скоро вернётся».

— Вы что, поссорились? — спросила хозяйка.

— Нет, — ответил Лян Сычжэ, отложив телефон.

Хозяйка немного понаблюдала и поняла, что Лян Сычжэ не горит желанием общаться, и, потеряв интерес, спустилась вниз.

Лян Сычжэ сидел на кровати и, обдумывая слова хозяйки, смотрел, как мастера работают у окна. Действительно, что будет с кондиционером, когда они уедут? Рано или поздно они покинут и «Лазурную вечеринку» и улицу Иньсы.

«Посмотрим, кто уедет первым», — решил для себя Лян Сычжэ. — «Если это буду я, то оставлю кондиционер здесь. Забирать его при Цао Е будет как-то некрасиво, да и он, наверное, продолжит здесь жить. А если первым уедет Цао Е, то я продам кондиционер. Всё-таки я потратил на него почти десять тысяч юаней, хоть что-то верну...»

Вечером Лян Сычжэ спустился поужинать, прошёлся по переулку и только через полчаса посмотрел на время. Обычно после такой прогулки они с Цао Е возвращались, чтобы умыться, но сегодня время тянулось особенно медленно. Переулок был всё тот же, даже лица посетителей почти не изменились, и сегодня за столиками на улице сидело даже больше людей, чем обычно, но всё равно чувствовалась какая-то пустота.

Белый щенок с угла улицы подошёл и обнюхал его ботинки. Кажется, ему тоже было немного одиноко. Цао Е всегда называл его «сяо Бай» (小白 - маленький белый), хотя он был не совсем белым, скорее сероватым, из тех, кого даже после мытья белым не назовёшь. Лян Сычжэ посмотрел на него, потом присел и погладил по голове. Шерсть у сяо Бая была короткая и довольно жёсткая.

«Не такая мягкая, как волосы у Цао Е», — промелькнуло в его голове, и Лян Сычжэ стало смешно. Как он мог сравнивать голову Цао Е с головой собаки?..

Вернувшись в комнату, он почувствовал себя ещё более одиноко. Недавно установленный кондиционер тихонько обдувал комнату прохладным воздухом, температура была идеальной, но вечер казался каким-то скучным.

«Да что мы вообще делали вечерами? Спускались вниз поесть, слонялись по переулкам, играли с собакой, пили газировку, забирались на крышу, смотрели фильмы, читали сценарий... Ничего

особенного. До того, как Цао Е переехал, у меня всё было чётко и упорядоченно, а теперь я почему-то вдруг чувствую себя не в своей тарелке. Я прожил один больше года, гораздо дольше, чем с Цао Е...»

«Уже так поздно, неужели Цао Е сегодня не вернётся? И что Чжан Минхань хотел от Цао Е? На пробах они не казались близкими знакомыми... По крайней мере, не настолько, как описывал Цао Е».

Лян Сычжэ взял со столика сценарий и начал его листать. Раньше они с Цао Е читали по несколько страниц и останавливались, чтобы обсудить содержание, поэтому продвигались медленно. Только про старую баню они говорили целый вечер. Цао Е даже нашёл ручку и нарисовал на полях сценария баню, как он её себе представлял. Рисунок получился абстрактным, больше похожим на тюремную камеру из мультфильма, чем на баню.

Рядом с некоторыми редкими иероглифами Цао Е написал пиньинем, старательно выводя каждую черту, как первоклассник, даже тоны проставил. Кривые буквы выглядели довольно мило.

После сороковой страницы заметок Цао Е не было. Лян Сычжэ перестал обращать внимание на эти детали и продолжил читать. Возможно, из-за того, что он недавно читал много сложной профессиональной литературы в переводе, сценарий показался ему лёгким и понятным, и за вечер он прочитал половину.

На третий день Цао Е всё ещё не было. Утром пришла уборщица и сменила постельное бельё на обеих кроватях. Теперь они были чистыми и опрятными, словно ими никто не пользовался.

Вечером Лян Сычжэ вымылся и, вытирая волосы, взял телефон и нашёл номер Цао Е. Он подумал, вдруг с парнем что-то случилось? Два дня ни новостей, ни звонка... С этой мыслью он нажал кнопку вызова. Раздалась гудки. Лян Сычжэ отложил полотенце и провёл рукой по полусухим волосам.

Вызов приняли, и в трубке раздался шум голосов. Кто-то холодным и надменным голосом произнёс «алло». Лян Сычжэ, обладая чувствительным слухом, сразу понял, что это не Цао Е.

— А где Цао Е? — спросил Лян Сычжэ.

— Кто это? — донёсся из шумной толпы невнятный голос юноши. На этот раз это был Цао Е, но его голос звучал издали, словно он говорил не в трубку.

— Лян Сычжэ, — медленно произнёс тот же холодный голос, будто читая имя с экрана телефона.

— Это та самая красавица? — раздался чей-то голос рядом. — Е-цзы, тебе звонит маленькая

красавица!

— Иди к чёрту, маленькая красавица! — выругался Цао Е где-то вдалеке и крикнул.

— Чи Минъяо, дай мне трубку!

— А, лови, — ответил тот, кто держал телефон.

Красавица... Это про него? Уголки рта Лян Сычжэ слегка дернулись. Он впервые слышал, чтобы его так называли... Они что, напрашиваются на неприятности?

Через мгновение Цао Е взял трубку.

— Алло, Лян Сычжэ? — Теперь его голос был близко, явно у самого телефона, и окружающий шум стих — вероятно, Цао Е отошёл в более тихое место.

— Что за маленькая красавица? — спросил Лян Сычжэ.

— А... Это мои друзья дурачатся, не обращай внимания.

— Это тот самый друг, который звонил мне с твоего телефона?

— Да, он тот ещё ловелас, всех симпатичных называет красавицами, не обращай на него внимания.

— Но он же меня не видел?

— Ну... это я ему рассказал. — Цао Е, поняв, что сейчас вся вина ляжет на него, решил сменить тактику. — Я был неправ, Сычжэ-гэ.

Лян Сычжэ усмехнулся, не желая продолжать этот разговор.

— Кондиционер установили. Ты когда вернёшься?

— Я не знаю, они меня не отпускают. В комнате теперь прохладно?

— Довольно прохладно.

— Хочешь к нам?

Как только Цао Е договорил, Линь Янь крикнул ему издалека:

— Е-цзы, не болтай тайком по телефону! Чи Миньяо говорит, что хочет посмотреть, как выглядит маленькая красавица!

— Это ты хочешь взглянуть, — сказал другой голос.

— И я тоже хочу! — добавил ещё один незнакомый голос.

— Да пошли вы все! — выругался Цао Е, отняв телефон от уха.

Когда он снова поднёс его к уху, Лян Сычжэ сказал:

— Я не пойду, развлекайся. Всё, пока.

— О... — Цао Е хотел ещё что-то сказать, но Лян Сычжэ быстро повесил трубку.

— Вот чёрт, какая ещё красавица! Мой друг рассердился! — Цао Е сунул телефон в карман и, пылая гневом, бросился на Линь Яня.

Лян Сычжэ не то чтобы рассердился, просто после этого звонка ему вдруг стало скучно. Голос Цао Е звучал довольно радостно. Лян Сычжэ думал, что тот так внезапно ушёл из-за каких-то срочных дел, а оказалось, что он просто спешил развлечься с другими друзьями. Впрочем, это понятно: друзей, которые могли бы развеселить самого Лян Сычжэ, было немного, а вот у Цао Е, вероятно, ими кишел весь Пекин.

Он вдруг осознал, что Цао Е, по сути, просто добродушный прожигатель жизни. То, что он с лёгкостью отдал ему сценарий тем утром, тоже было одним из проявлений его беззаботности. Для Цао Е, видимо, не имело большого значения, станет он актёром или нет, будет сниматься в фильме своего отца или нет.

Когда у него было хорошее настроение, он хотел, чтобы и другие «порадовались» вместе с ним. Даже сценарий он отдал только потому, что «хотел, чтобы Лян Сычжэ подольше остался с ним в Пекине».

А он, Лян Сычжэ, слишком серьёзно всё воспринял. Слишком долго находясь в унынии, он принял случайный проблеск света за окно, специально открытое для него небесами, не понимая, что этот свет был там всегда и просто случайно осветил его жизнь. А сам он, скорее всего, был лишь развлечением для вынужденного скучать на улице Иньсы Цао Е. Как только Цао Е покинет эту улицу, то, вероятно, забудет о Лян Сычжэ уже через пару дней.

Он немного посидел, прислонившись к изголовью кровати, совершенно не обращая внимания

на то, что показывают по телевизору. Через какое-то время Лян Сычжэ пришёл в себя и подумал, что ему, в общем-то, нечем заняться.

Разве дружба не такова? Сошлись — хорошо, разошлись — тоже ничего страшного. Как и с его прежними друзьями: пока они учились в одном классе, были близки, а потом постепенно отделились, и у них появились новые друзья. Люди приходят и уходят, как приливы и отливы, — это совершенно нормально.

Почему же, когда дело касалось Цао Е, он так много думал о всякой ерунде и даже начинал размышлять о том, что будет после его отъезда с улицы Иньсы?..

«Пусть всё идёт своим чередом», — на удивление спокойно подумал Лян Сычжэ. Даже родители и скрипка внезапно исчезли из его жизни, так сколько же сможет пробыть рядом с ним какой-то случайно встретившийся ему мальчишка?

После того телефонного звонка жизнь Лян Сычжэ вернулась в прежнее русло, она стала такой, какой была до приезда Цао Е. Утром он читал сценарий и книги по актёрскому мастерству, днём смотрел фильмы, вечером выходил на прогулку. Иногда, находясь на крыше, он обдумывал сцены из сценария, представляя, как бы он их сыграл, и даже иногда вслух произносил реплики.

Дни без Цао Е были гораздо скучнее, но это было его привычное состояние — ничего интересного, ничего смешного. Возможно, «потеря» в его жизни стала слишком обыденным явлением. Родители, увлечения, будущее... Он потерял всё самое важное, поэтому подсознательно всегда понимал, что скоро потеряет и друга Цао Е. В любой потере нет ничего страшного, жизнь всё равно продолжается, хочешь ты этого или нет.

На четвёртое утро Цао Е всё ещё не вернулся. Лян Сычжэ подумал, что в следующий раз его, вероятно, снова притащит обратно Чжэн Инь или Цао Сююань.

Он начал привыкать к одиночеству и в его голову пришла мысль, что нет ничего плохого в том, чтобы жить одному. Постоянно находясь рядом с Цао Е, он, конечно, был счастлив, но в такой атмосфере он постепенно слабел, и потом, вернувшись в Яньчэн или оставшись в Пекине, ему не хватит смелости в одиночку столкнуться с обломками своей жизни и неизвестностью.

Телефон разрядился, и Лян Сычжэ не стал его заряжать. За месяц, кроме рекламных звонков, ему звонили только Цао Е и Цао Сююань. В первом случае это была шутка друга Цао Е больше двух недель назад, а во втором — несколько поздравительных сообщений в день рождения. Вряд ли кто-то ещё будет ему звонить.

Пообедав, Лян Сычжэ поставил разряженный телефон на зарядку и выбрал фильм. Фильм «Тринадцатый мастер Южного моря» с Се Цзюньхао в прошлый раз в том кинотеатре выбрал Цао Е. Он помнил, как тогда Цао Е сказал, что дядя Инь очень любит этот фильм. Хотя Лян Сычжэ не питал особой симпатии к Чжэн Иню, он решил, что фильм, который ему нравится, не может быть плохим.

Лян Сычжэ вставил диск в проигрыватель и, удобно устроившись у изголовья кровати, начал смотреть. Фильм рассказывал историю о неудачливом сценаристе. Когда показывали сцену воссоединения Тринадцатого и Тан Дишэна, где они пели а капелла, Лян Сычжэ, полностью поглощённый сюжетом, вдруг услышал, как внизу кто-то зовёт его по имени.

Мрачная атмосфера архаусного фильма мгновенно рассеялась. Звонкий и бодрый голос, словно глоток ледяного дождя в знойный летний день, определённо принадлежал Цао Е.

«...Вернулся?» Лян Сычжэ оторвался от фильма, отложил пульт и встал с кровати. Пока он надевал тапочки, снизу снова раздался зов, на этот раз громче.

— Лян Сычжэ!

Когда он шёл к окну, услышал протяжное: «Ля-а-ан Сы-ы-чжэ!»

«И чего так кричать?..» — подумал Лян Сычжэ, но его настроение почему-то вдруг улучшилось.

Подойдя к окну, он открыл его и выглянул. Цао Е сидел в чёрной машине, высунувшись в открытое окно, и смотрел на их комнату.

— Ты чего так кричишь? — спросил Лян Сычжэ, облокотившись на подоконник и глядя на него сверху вниз.

— Ты спишь, что ли? — спросил Цао Е. — Почему телефон выключен? В то же окно высунулась голова хаски, который тоже стал смотреть наверх.

— Нет, я смотрю фильм. Телефон разрядился... — Две мохнатые головы вместе выглядели забавно, и Лян Сычжэ рассмеялся. — Ты привёз собаку?

— Ага. — Цао Е открыл дверь машины, вышел и помахал ему рукой. — Специально у деда взял. Спускайся скорее, кое-что тебе покажу.

— Что?

— Увидишь... — Цао Е обошёл машину и открыл багажник.

Лян Сычжэ выпрямился, закрыл окно, у двери переобулся и быстро вышел. Добежав вниз по лестнице до поворота на последний пролёт, он увидел Цао Е, который уже вышел из машины и широким шагом переступил через порог.

В самый разгар полуденного зноя, как только открылась дверь, солнечный свет хлынул внутрь. Цао Е в белой футболке и серых клетчатых шортах стоял в ярких лучах у входа. Его волосы были немного короче, словно их недавно подстригли, и выглядел он очень свежо. Выступающий из-за спины футляр был слишком знаком Лян Сычжэ — Цао Е принёс скрипку. Хаски, которого он держал на поводке в левой руке, гавкнул на Лян Сычжэ. Высокий юноша и почти в половину человеческого роста собака, стоящие рядом, выглядели довольно внушительно. Стоя в дверях, словно очерченный золотом полуденного солнца, он мгновенно осветил тусклый и мрачный холл первого этажа «Лазурной вечеринки».

«Как тут оживлённо», — подумал Лян Сычжэ, наблюдая за ним с лестничной площадки. Да, всё-таки лучше, когда вокруг шумно и весело.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12811/1130257>